Михайлова Елена Николаевна

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД ИЗ XVI ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/56.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 156-158. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 811.133.1

Елена Николаевна Михайлова
Белгородский государственный университет

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД ИЗ XVI ВЕКА©

Вплоть до недавнего времени в историографии лингвистики существовала достаточно прочная традиция связывать появление науки о языке исключительно с теорией и методологией сравнительно-исторического языкознания и рассматривать историю лингвистической мысли до XIX в. как «донаучное» языкознание. Между тем, как показывают исследования ренессансной лингвистического наследия [1; 2; 7; 8; 9; 11], понимание неизбежности происходящих в языке изменений, пристальное внимание к языковой вариативности как проявлению этого процесса и изучение причин языковых изменений достаточно широко было представлено в трудах многих ученых эпохи Возрождения. Существенный вклад в разработку новой теории и новой методологии в системе знания о языке внесли итальянские гуманисты, раньше других европейских ученых обратившихся к этой проблематике. Не остались в стороне от решения этих проблем и французские мыслители. Одним из первых во Франции ученых, обратившихся к рассмотрению изменчивой природы языка, стал Шарль де Бовель (1479-1566).

Подобно большинству гуманистов, де Бовель был человеком разносторонне одаренным, о чем говорят его многочисленные труды по философии, теологии, математике, медицине. Результаты изучения его богатейшего научного наследия были представлены на международном конгрессе в Нуайоне в 1979 г., приуроченном к 500-летию со дня рождения великого французского гуманиста [4].

Менее известен де Бовель как самобытный филолог. В подавляющем большинстве фундаментальных трудов по истории лингвистических учений его имя либо упоминается вскользь, либо не упоминается вовсе. Впервые в западноевропейской историографии лингвистики его воззрения на язык были рассмотрены в трудах К. Демезьер [5; 6] и К. Шмитта [10; 11]. Обращает на себя внимание то, что при всем пиетете к личности этого яркого представителя «республики ученых» XVI в. они подчас излишне суровы к его рассуждениям о языке. Между тем его концепция была одной из первых попыток объяснить изменчивую природу языка и дать описание французского языка в его «многообразии».

Остановимся на некоторых положениях лингвистической концепции де Бовеля, проливающих свет на понимание им исторической изменчивости языка и дающих представление о методологической базе его исследования.

Свою лингвистическую концепцию де Бовель изложил в трактате «*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate*». Эта работа в полном смысле представляет собой оригинальный по замыслу и воплощению прообраз исследования по истории французского языка. Сравнительно небольшой по объему трактат де Бовеля (144 страницы) был опубликован в 1533 г. в Париже в типографии Робера Этьена.

Полное название трактата де Бовеля достаточно тяжеловесно, что вполне соответствовало канонам научной традиции того времени: «*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum*» (Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен). Трехчастная структура работы позволила автору изложить в рамках одной книги три разные точки зрения на проблему изменчивой природы языка. Первая часть трактата посвящена вопросам теории и истории языка, вторая часть представляет собой первый опыт создания этимологического и исторического словаря французского языка, в третьей части работы предпринята попытка решить проблемы этимологии сквозь призму топонимики.

Знакомство с содержанием трактата де Бовеля показывает, что в нем прослеживается тот же корпус проблем, что и в работах известных историков французского языка и ведущих романистов нашего времени. Де Бовель обращается к решению таких проблем, как происхождение французского языка, его связь с латинским и другими европейскими языками, особое место уделено выявлению причин изменчивой природы языка. В основу методологии в данной работе положены этимологический и сопоставительный методы. Излагаемые в трактате положения достаточно четко подразделяются на то, что сегодня принято называть проблемами «внешней» и «внутренней» истории.

В одной из первых глав своей работы де Бовель касается вопроса о языках, близких по своей природе латинскому языку (или языку Рима). К их числу он относит итальянский, французский и испанский, противопоставляя их немецкому языку [3, p. 5, 12]. Признавая чрезвычайное «разнообразие» французского языка, де Бовель, тем не менее, не выделяет его «разновидности» в самостоятельные языки, как это было сделано в начале XIV в. Данте, который рассматривал северофранцузский и южнофранцузский варианты как два разных языка (*langue d'oïl* и *langue d'oc*). В XVI в. процесс становления национальных государств в Западной Европе и развитие чувства национального самосознания у европейцев обусловили рождение нового видения проблемы классификации языков.

© Михайлова Е. Н., 2010

В рамках французской лингвистической традиции де Бовель одним из первых поднял вопрос о происхождении французского языка. При этом он был далек от прямолинейности многих своих соотечественников, которые склонны были видеть в родном языке продолжение латинского или от мнений тех, кто усматривал его в древнегреческом, древнееврейском или других языках. В данном вопросе он занимал более взвешенную позицию, отмечая: «Французский язык является большей частью смешанным, поскольку имеет в своем составе большое число чужих слов» [Ibidem, p. 3]. Обоснование этого положения дано в виде отдельных примеров в первой части трактата, кроме того, аргументами изобилует вторая часть работы, представляющая собой прообраз многопрофильного словаря. Каждая словарная статья начинается с объяснения значения французского слова, иногда подмененного его латинским эквивалентом по образцу известных средневековых глоссариев (например, ***pris, id est captus***), затем приводятся примеры употребления данного слова в обиходных выражениях и, наконец, дается указание на происхождение слова (греческое, латинское, варварское или неопределенное). Этот словарь представляет собой не только весомый аргумент, доказывающий основное положение концепции де Бовеля об изменчивости языка, но и проливает свет на понимание им природы языка, которая мыслится им как совокупность слов.

Одну из начальных глав своего трактата де Бовель посвящает обстоятельному рассмотрению территории, на которой говорят по-французски. Эта глава начинается следующими словами: «Имеется пять границ для всей Галлии: Альпы, Рейн, Океан, Пиренеи, Средиземное море» [Ibidem, p. 5]. В пределах этой обширной территории, как замечает де Бовель, «имеется столько же наречий, сколько народов, провинций и городов» [Ibidem].

Стремление показать и объяснить «многообразие и различие языков» на территории Франции приводит де Бовеля к пониманию того, что оно зависит не от одной, а от совокупности причин.

В числе главных причин у де Бовеля, являющегося основоположником французской философской антропологии, обозначено то, что сегодня принято называть «человеческим фактором в языке». Так, в Предисловии к трактату он пишет: «Употребление звуков и имен, из которых создана ткань языков и наречий, не имеет иного происхождения, чем человеческий произвол в его стихийности и разнообразии» [Ibidem, p. 3]. В дальнейшем он неоднократно возвращается к этой мысли, подкрепляя ее многочисленными примерами. Развивая эту идею, он приходит к выводу, что изменения в языке обусловлены ошибками и отклонениями в произношении, исходящими в первую очередь от людей необразованных, и что искоренить эти недостатки с помощью правил невозможно [Ibidem, p. 42-43]. Именно на этом основании он приходит к выводу о невозможности создания грамматики наподобие латинской применительно к «народным языкам».

К не зависящим от воли людей причинам многообразия языков де Бовель относит «место, время и расположение планет» [Ibidem, p. 4].

Удаленность регионов друг от друга, по мнению французского гуманиста, является одной из важнейших причин «разнообразия» (varietas) французского языка: «Внутри границ одного государства <…> люди с некогда единым языком и общими привычками ныне имеют как различные нравы, так и различные говоры» [Ibidem, p. 5]. И далее он отмечает: «Чем шире территория, тем значительнее модификации в народном произношении, порожденные расстоянием» [Ibidem, p. 6]. Своей теоретической значимости это положение не утратило и сегодня.

Другой, не менее значимой причиной изменчивой природы языка, по мнению де Бовеля, является течение времени. Попытка связать историю языка с историей народа и государства, на территории которого этот язык используется как средство общения, сближает лингвистическую концепцию де Бовеля с основополагающими постулатами современной диахронической лингвистики. По его мнению, «разнообразие французского языка» тесным образом связано с историческими событиями Древней Галлии. Многообразие наречий внутри французского языка является следствием «многочисленных вторжений варваров (сначала готов, аланов, гуннов, вандалов и др., а позднее бургундов, франков, бретонцев, фламандцев, нормандцев), в разное время прошедших через Галлию или обосновавшихся в ней» [Ibidem]. Подробно и с достаточно убедительной системой доказательств этот аспект проблемы освещен в главах IV-X, где речь идет о событиях ранней французской истории, связанной с процессом переселения народов в Западной Европе. Обращает на себя внимание то, что повествуя о событиях прошлого, де Бовель оперирует не датами, а именами исторических личностей. Обусловлено это тем, что он опирается на римскую историографию, где для указания времени принято было использовать имена консулов или императоров, в правление которых происходило то или иное событие. В равной мере в древней историографии использовались имена ярких исторических личностей или, если речь шла о незапамятных временах, наряду с именами реальных исторических лиц в повествование включались имена мифологических персонажей.

Неоднократно используется на страницах трактата де Бовеля для объяснения изменчивой природы языка и формулировка ***ab horoscopus caeli***. Сегодня такое объяснение представляет собой интерес как своеобразие ренессансной системы знания с присущим ей пониманием хода истории. Как известно, в эпоху Возрождения астрология занимала одну из верхних ступеней в иерархии научного знания и рассматривалась как высшая наука, позволяющая постичь скрытые от непосредственного наблюдения связи явлений, дать единое истолкование Универсума. Не последнюю роль в том, что астрология получила широкое отражение в трактате де Бовеля, оказали и использованные им античные источники, в которых было немало ссылок на влияние небесных сил на судьбы людей и государств.

Таким образом, в трактате де Бовеля достаточно скрупулезное освещение получили вопросы «внешней истории» французского языка, насыщенные сведениями по истории и географии, истории культуры и этнографии. Не менее детальное описание (с обилием примеров и обстоятельным объяснением выявленных закономерностей) дано и фактам «внутренней истории». Этот материал хоть и не в эксплицитном виде, но все же проливает свет на то, как виделось автору трактата то, что сегодня мы понимаем под термином «система языка». В отличие от большинства гуманистов де Бовель считал невозможным описывать живые языки по образцу латинских грамматик. Объяснению своей позиции он посвятил одну из глав своей работы, в которой описал дискуссию с настоятелем Шпангеймского аббатства Иоганном Тритемием. Содержание дискуссии дает представление о том, каким образом в эпоху Возрождения возобновился античный спор между аномалистами и аналогистами. О достаточной прочности позиции де Бовеля, сторонника аномалистов, говорит то, что до 1550 г. во Франции была создана лишь одна грамматика французского языка по образцу латинской - грамматика Ж. Дюбуа. Ответом на вопрос, почему в первой половине XVI в. столь сильна была позиция аномалистов, является ключевое слово, слово-символ, которое де Бовель вывел в название своей работы - «разнообразие» (*varietas*). В приложении к фактам языка оно значило то, что все они рассматривались как множество разнородных явлений, не сводимых в единую схему. Именно поэтому описание языковых явлений, привлекших к себе внимание де Бовеля, представляет собой в большинстве случаев перечень отдельных примеров.

Наиболее детально в трактате де Бовеля описаны вопросы произношения (т.е. фонетический уровень) и словарный состав французского языка. Де Бовель обращается к описанию особенностей французского произношения (широко опираясь при этом на принцип бинарных оппозиций), приводит отдельные интересные замечания относительно грамматических явлений, значительное внимание сосредотачивает на вопросах этимологии. При этом в поле его зрения попадают не только имена нарицательные, происхождение которых было достаточно прозрачным для любого знающего латынь человека (*chose / causa, cheval / caballus, devoir / debere*), но и имена собственные, прежде всего топонимы, возникновение которых было связано с последствиями нашествий и переселения народов в Западной Европе (*Gallia, Veromandia, Vallois, Gaulieu, Catalonia, Hungeria, Westgallia, etc*.).

Итак, содержание трактата де Бовеля показывает, что его воззрения на язык имеют преимущественно исторический характер, поэтому есть основания говорить о том, что им был предложен по-своему первый опыт исследования по истории французского языка. Выполненное в рамках ренессансной научной парадигмы, это исследование представляет собой значительный интерес не только как памятник лингвистической мысли ушедшей эпохи, но и как пример оригинальной концепции, в которой содержится немало гениальных прозрений, получивших свое подтверждение в трудах по сравнительно-историческому и общему языкознанию, лингвогеографии, этнолингвистике, диалектологии, фразеологии, топонимике, контактной лингвистике.

Список литературы

1. **Степанова Л. Г.** Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000.
2. **Auroux S.** (dir.) Histoire des idées linguistiques. Liège, 1992. Vol. 2.
3. **Bovillus Carolus.** Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum. P., 1533.
4. **Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479-1979**: actes du colloque intrenational tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982.
5. **Demaizière C.** Charles de Bovelles. Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française. P., 1973.
6. **Demaizière C.** Les grammaires françaises au XVIe siècle: les grammairiens picards: thèse. P., 1983.
7. **Hall R. A. Jr.** Linguistic theory in Italian Renaissance // Language. 1936. № 12/2. P. 96-107.
8. **Kukenheim L.** Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Ranaissance. Amsterdam, 1932.
9. **Lepschy G.** History of Linguistics. London-New York, 1994.
10. **Schmitt C.** Bovelles linguiste // Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479-1979: actes du colloque intrenational tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982. P. 247-263.
11. **Schmitt C.** Charles de Bovelles. Sur les langues vulguaires et la variété de la langue française (1533), une source importante pour l'histoire du vicabulaire français // Traveaux de linguistique et de littérature (14). P., 1976. P. 129-156.